

УДК 327.54

ЭНДРЮ МАРШАЛЛ – «ЛЕГЕНДА ПЕНТАГОНА»

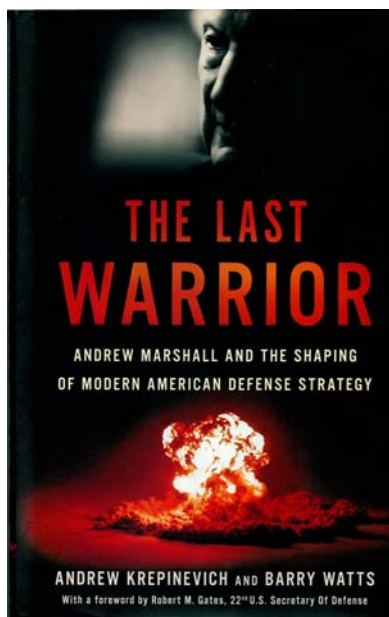
© 2016 г. С.К. Пашкевич*

Статья поступила в редакцию 15.01.2016.

Статья посвящена Эндрю Маршаллу, одному из влиятельнейших людей в военной политике США. Отец концепции «Революция в военном деле» и метода комплексных оценок, по сей день остающийся загадкой для внешнего мира – легендарная фигура в Пентагоне. Сторонники называют Маршалла иконоборцем и дельфийским оракулом, противники считают его параноиком, но никто ещё не называл его многословным: 92-х летний Маршалл почти никогда не даёт интервью.

За свою долгую карьеру аналитика Эндрю Маршалл предсказал развал Советского Союза, подъём Китая и распространение военной робототехники.

Ключевые слова: метод комплексных оценок, военная стратегия, «революция в военном деле», изменения в характере войны, военная доктрина, стратегия затяжной ядерной войны, стратегия национальной безопасности.

В вышедшей в январе 2015 г. в нью-йоркском издательстве «Бэйсик букс» книге «Последний воин: Эндрю Маршалл и формирование современной американской оборонной стратегии» её авторы, Эндрю Крипиневич и Барри Уоттс,** в прошлом – штатные сотрудники Управления комплексных оценок, одного из аналитических центров Министерства обороны, рассказывают об основных вехах карьеры и дают свою оценку наследию в сфере национальной безопасности бессменного с 1973 г. руководителя Управления комплексных оценок (*Office of Net Assessment*) – Эндрю Маршалла. Его в американском военном и разведывательном сообществе считают выдающимся стратегическим аналитиком современности, «отцом-основателем» одного из актуальных ныне аналитических инструментов оборонной стратегии США, получившего название «метод комплексных оценок» (*Net Assessment*) или МКО.

* ПАШКЕВИЧ Сергей Карлович – соискатель стипендии Фонда Фулбрайта в категории креативная журналистика, телеканал Shopping Live, 124427, Москва, ул. Академика Королёва 12а. (romanotokyo@yahoo.com).

** A. Krepinevich, B. Watts. The Last Warrior. Andrew Marshall and the Shaping of Modern American Defense Strategy. New York, Basic Books, 2015, 305 p.

На протяжении десятилетий Маршалл оказывал серьёзное, но при этом малозаметное для непосвящённых влияние на формирование концепции оборонной стратегии и внешней политики Соединённых Штатов. Будучи одной из ведущих теневых фигур в сфере национальной безопасности и возглавляя упомянутое выше Управление Министерства обороны США, он сотрудничал с каждой из американских администраций от Ричарда Никсона до Барака Обамы. Его профессионализм и аналитические способности особо ценили министры обороны Джеймс Шлезинджер, Гарольд Браун и Дональд Рамсфелд. Об актуальности его аналитического метода красноречиво свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство исследований, которые проводит Управление комплексных оценок Министерства обороны США, по-прежнему несёт на себе гриф «совершенно секретно». Маршалл – один из первых аналитиков в Пентагоне, кто ещё в никсоновское время, вопреки мнению ЦРУ, указал на фундаментальную слабость советской экономики и верно спрогнозировал возможность её истощения в ходе гонки вооружений. Кроме того, он предвидел революцию в военном деле, вызванную появлением высокоточного оружия, а также и неизбежное возрастание мировой роли Китая, что способствовало «развороту к Азии», фактически начавшемуся ещё в годы администрации Дж. Буша-мл. и получившему официальный статус при президенте Обаме. Совсем недавно, в январе 2015 г. в возрасте 93 лет Эндрю Маршалл оставил пост директора Управления, выйдя в почётную отставку, однако его интеллектуальное наследие и стратегическое видение по-прежнему играют значительную роль в формировании глобальной оборонной политики Соединённых Штатов в XXI веке.

Начало пути: из «Рэнд корпорейшн» в Пентагон

Дуглас Дж. Фейт в своей рецензии на книгу «Последний воин», размещённой в «Уолл-стрит джорнел» и озаглавленной «Невидимая рука американской внешней политики», делает в итоге ёмкое заключение: «Плохое название, но очень хорошая книга». Почему же Крипиневиц и Уоттс назвали Эндрю Маршалла «последним воином»? Ведь Маршалл – не первый и далеко не последний стратегический аналитик в Пентагоне, какой бы крупной фигурой он ни был. Кроме того, он не профессиональный военный, а сугубо гражданское лицо. Однако, по мнению авторов, сегодня Маршалл действительно последний из тех, кто находился в высших эшелонах власти США из так называемого «величайшего поколения», росшего в годы «Великой депрессии», закаленного Второй мировой войной и начавшейся вскоре после неё «холодной войной». Того поколения, которое Джон Кеннеди, его яркий представитель, охарактеризовал как «крепкое». Сами авторы в предисловии говорят, что их цель состояла не в простом пересказе биографии Эндрю Маршалла, а в анализе его интеллектуального наследия, в основе которого лежит тот самый метод комплексных оценок, разработанный Маршаллом ещё во второй половине 1960-х и формально изложенный в его докладе «Содержание и предмет комплексных оценок», рассекреченном в августе 1972 г. (*The Nature and Scope of Net Assessments*). Однако

Крипиневич и Уоттс при этом предлагают ретроспективный подход для более полного понимания того, что такое МКО и в каком историческом и стратегическом контексте он разрабатывался.

Долгая карьера Маршалла началась ещё в 1949 г., когда выпускник Чикагского университета поступил в «Рэнд корпорейшн», один из ведущих стратегических аналитических центров США, который вот уже не одно десятилетие сотрудничает с американскими правительственными агентствами, в первую очередь с Пентагоном и с разведкой. «Рэнд корпорейшн» – классический пример того, что называется «мозговой центр» или «фабрика идей» (*think tank*). Именно там Маршалл, ставший к концу 1960-х годов одной из ключевых интеллектуальных фигур в «Рэнд», и начал разработку своего метода. Ещё с 1950-х годов Маршалл имел в «Рэнд корпорейшн» непосредственное отношение к выработке ядерной стратегии США. Кроме того, он стал пионером в области исследований механизма принятия решений в крупных организациях.

С приходом к власти администрации Ричарда Никсона в 1969 г. жизнь Эндрю Маршалла круто изменилась. В возрасте 48 лет он покинул «Рэнд» и Калифорнию, где провёл около 20 лет, переехав с женой в Вашингтон – вопреки их желанию жить в «Золотом штате» с его прекрасным климатом. Всё началось с того, что ему позвонил его старый приятель и коллега по «Рэнд корпорейшн», Джеймс Шлезинджер, разделявший аналитические подходы Маршалла и считавший, что высшему руководству США требуется иной ракурс в анализе потенциала и намерений геополитических противников и, соответственно, иной подход к стратегическому оборонному планированию. Шлезинджер был не просто приятелем Маршалла, на протяжении своей карьеры в администрациях Никсона и Форда он занимал ряд ключевых должностей, включая посты директора ЦРУ и министра обороны. Именно его сам Маршалл считал «отцом метода комплексных оценок», отдавая дань роли Джеймса Шлезинджера в продвижении этого аналитического подхода в коридорах власти в Вашингтоне. И Шлезинджер, и сам Маршалл придерживались глубокого убеждения, что классический системный анализ, взятый на вооружение Пентагоном, а также ЦРУ и другими разведывательными агентствами США, в качестве основного аналитического подхода, не в полной мере отражает реальную картину, что может привести к неверным шагам при военном планировании и при формулировании внешней политики в целом. Таким образом, Маршалл фактически стал протее Шлезинджера в Вашингтоне, причём на этом этапе он получил и поддержку всемогущего Генри Киссинджера, советника по национальной безопасности и затем государственного секретаря в администрациях Ричарда Никсона и Джеральда Форда. Проблема была в том, что ни Шлезинджера, ни Киссинджера, ни самого президента Никсона не удовлетворяло то, что делает Центральное разведывательное управление в плане выработки рекомендаций по оборонной стратегии в отношении Советского Союза. Признавая за ЦРУ качественный сбор разведанных о военном потенциале СССР, высшее руководство США считало, что уровень аналитики агентства недостаточен. Здесь ощущения Никсона и Киссинджера совпадали с точкой зрения Маршалла. Именно необходимость новой интерпретации разведывательной информации и

потребность в выработке более адекватной оборонной стратегии стала основной задачей Маршалла в течение первых лет администрации Никсона.

В итоге 5 ноября 1971 г. президент подписал директиву о создании Группы комплексных оценок при Совете национальной безопасности (СНБ), которую возглавил Маршалл. Он начал с анализа методологии ЦРУ и других разведывательных служб, чтобы понять, что в них есть общего, что делается правильно, а что делается не так. И, разумеется, как это неправильное можно исправить. В частности, к этому моменту Никсон практически перестал читать «Ежедневный доклад президенту», один из основных аналитических документов ЦРУ, считая его и неполным, и не достаточно компетентным. Напротив, президент стал уделять большое внимание информации, которую представляла «конкурирующая фирма» – ежедневный доклад СНБ. После тщательного изучения обоих документов Маршалл пришёл к поразительному выводу, что ЦРУ совершенно официально методологически основывало свой доклад на темах, которые освещала «Нью-Йорк таймс», считая, что то, о чём пишет ведущая – и при этом либеральная – газета США, будет интересно читать и президенту. При этом ЦРУ не обращало внимания на ещё более важную вещь – очевидную разницу в информационных потребностях аудитории газеты, какого бы высокого качества журналистские материалы в ней ни публиковались, с одной стороны, и президента Соединённых Штатов – с другой. Маршалл с удивлением узнал, что ЦРУ весьма высокомерно полагало, что именно президент должен подстраиваться под формат и содержание их доклада, а не управление ориентироваться на запросы президента. Например, Ричарда Никсона интересовало изучение персональных портретов иностранных лидеров, что аналитики ЦРУ, несмотря на конкретное пожелание президента, просто не считали нужным делать. Документ же СНБ был основан на обзоре той информации, которая, как считали в недрах совета, была интересна именно Никсону. Информация в нём, помимо непосредственно сведений от ЦРУ, компилировалась на основе данных ряда разведывательных служб, включая АНБ, и постоянно подвергалась ревизии на предмет актуальности для президента. Содержание докладов ЦРУ и СНБ совпадало между собой процентов на 60%, что говорит о существенной разнице в подходах. В результате Маршалл подготовил доклад с рекомендациями по пересмотру процесса подготовки информации для президента. Именно тогда началось долгое противостояние Эндрю Маршалла с ЦРУ.

И всё же настоящий взлёт карьеры Эндрю Маршалла как подлинного «отца-основателя» метода комплексных оценок приходится на 1973 г., когда Шлезинджер перешёл с поста директора ЦРУ в Министерство обороны. Именно тогда, 15 октября 1973 г., было образовано Управление комплексных оценок, и его директором стал Маршалл, в распоряжении которого на тот момент было всего два штатных сотрудника. Подчиняться Управление стало не Совету национальной безопасности, как предыдущая структура, а непосредственно новому главе Министерства обороны, Джеймсу Шлезинджеру. Что же такое метод комплексных оценок?

МКО: метод без методологии

Самое необычное в МКО с формальной точки зрения заключается в том, что его суть – не выработка чётких, основанных на конкретной методологии рекомендаций на уровне «что делать», не написание рецепта действий, а рассмотрение ситуации в целом, своего рода «диагностика» положения дел для последующего принятия компетентного решения политиками или военными. Анализ, по словам самого Маршалла, основан на «тщательном сравнении американских систем вооружений, вооружённых сил и военной доктрины с аналогичными характеристиками в других странах». При этом такая сравнительная оценка должна быть всеобъемлющей, охватывающей оперативные доктрины, подходы к учениям, логистику, известную или прогнозируемую эффективность, а также ещё ряд факторов, включая политические и экономические аспекты противостояния.

Таким образом, Маршалл чётко разделял свой метод комплексных оценок, с одной стороны, и стандартный системный анализ – с другой, который ввёл в 1961 г. Роберт Макнамара, министр обороны в администрациях Кеннеди и Джонсона. Маршалл считал, что «когда речь идёт о выборе систем вооружений, в системном анализе по ряду причин исповедуется упрощенческий подход. В результате зачастую происходит валовое сравнение различных систем вооружений и вооружённых сил на уровне оценочного числа уничтоженных подводных лодок, количества боеголовок или потенциального причинённого ущерба». Это чревато, по его мнению, тенденциозностью в аналитике и погоней за формальным равенством в сопоставимых категориях. В этом случае «лекарство», если пользоваться медицинской терминологией, т.е. предлагаемое решение, может оказаться вреднее болезни. Он считал, что МКО не следует нацеливать на «выработку рекомендаций касательно уровней военной мощи или наличия военных структур». Его подход основан на интеллектуальных усилиях в области интерпретации самых разных данных о потенциале противника, и эти интеллектуальные усилия достигают высот искусства, когда становится ясным в каждом конкретном случае, что с чем сравнивать. Изопрённость метода, его методологическая неопределённость заключается в том, что, как признаёт сам его родоначальник, «методологии как таковой в нём не существует». В классическом системном анализе сравнивается, скажем, количество самолётов фронтовой авиации стран НАТО и Варшавского договора в Европе. А вот МКО будет сопоставлять и количество самолетов фронтовой авиации Варшавского договора по отношению к общему числу средств ПВО НАТО.

Именно такой, асимметричный, подход и считается отличительной чертой этого метода. В нём, в отличие от системного анализа, нет места чисто фронтальному сравнению количества танков одной стороны с количеством танков другой по той причине, что наличие большего числа танков не говорит напрямую о преимуществе при оценке общего стратегического потенциала. Здесь следует учитывать, в том числе, географические факторы, логистические условия и, разумеется, действующую военную доктрину. Все эти факторы формируют разные потребности в количестве танков у разных сторон. Соответственно, при применении подхода Маршалла, как и в вышеуказанном случае с ВВС и ПВО,

следует сравнивать не только количество танков у СССР и его союзников против количества танков у НАТО, но и учитывать число противотанковых средств (как наземных, так и воздушных) у Запада – исходя из наступательной (по мнению американских аналитиков. – С.П.) военной доктрины СССР и оборонительной у НАТО.

Не менее интересным представляется и другой, ныне рассекреченный проект, разработанный в недрах Управления комплексных оценок – «Размышления о флоте» (*Thinking About the Navy*). Программа была реализована во второй половине семидесятых, её целью была оценка ситуации и выработка базовых рекомендаций по сохранению эффективного контроля ВМС США над морскими коммуникациями в масштабе Мирового океана в случае войны с Советским Союзом. В этой аналитической работе Управление рекомендовало не пытаться превзойти быстро растущий советский военно-морской флот в количественном отношении (что фактически и произошло чуть позже, когда в восьмидесятые годы советский флот превзошёл американский по числу боевых единиц). Вместо этого Маршалл советовал, с одной стороны, сосредоточиться на укреплении собственных сильных позиций, а с другой – постараться использовать слабости противника. К сильным сторонам американского флота в масштабе всей акватории Мирового океана Маршалл причислял, во-первых, относительную акустическую малозумность его субмарин по сравнению с советскими и одновременно способность более раннего обнаружения советских подлодок благодаря глобальной системе прослушивания *SOSUS*^{*}.

Вторым стратегическим преимуществом американцев была, благодаря развитой сети судов обеспечения, способность дозаправки и пополнения запасов вооружений боевых кораблей без захода на базы, что позволяло избежать, в сравнении с относительно ограниченными возможностями ВМФ СССР, снижения оперативной эффективности флота во время военных действий в Мировом океане.

И, наконец, третьим стратегическим преимуществом было технологическое превосходство ВМС США в системах наведения, что логично вело к большей эффективности в бою.

Таким образом, согласно Маршаллу, статичное, формальное сравнение аналогичных показателей у потенциальных противников (будь то число танков, самолётов или кораблей) в любой конкретный момент времени не могло считаться надёжным критерием оценки стратегического баланса, так как не учитывало ни долгосрочных тенденций развития экономики или вооружённых сил, ни потенциального развития ситуации в случае конфликта на конкретном театре военных действий. Метод комплексных оценок, не отвергая стандартный системный анализ как эффективный инструмент формального сопоставления потенциалов, использует информацию иначе, далеко не всегда полагаясь исключительно на сравнение «лоб в лоб». Иными словами, системный анализ делает акцент на количественных показателях, а МКО использует эти количественные показатели для выхода «на следующий уровень», где применяются

^{*} Звуковая система наблюдения (*SOSUS – Sound Surveillance System*) – гидроакустическая противолодочная система США, предназначенная для обнаружения и идентификации подводных лодок.

уже качественные оценки, смежные факторы и асимметричный подход. При этом авторы не отрицают, что у подхода Маршалла есть и слабая сторона: много описательной, диагностической работы, но мало конкретных выводов. Как единодушно считают и его поклонники, и его критики, Эндрю Маршалл всегда предпочитал, чтобы эти выводы делали его клиенты в Пентагоне и Белом доме.

Противостояние с ЦРУ: оценка реальной мощи Советского Союза

У Маршалла на протяжении всей его длительной карьеры в Управлении комплексных оценок в Вашингтоне были весьма противоречивые отношения с ЦРУ. Он всегда полагался на разведданные агентства как на «основу для работы» и высоко ценил способности ЦРУ к их добыванию в требуемом объёме. При этом, применяя МКО, Маршалл зачастую приходил к совершенно иным выводам, нежели штатные аналитики из Лэнгли – причём на основе одних и тех же данных.

В книге авторы рассматривают конкретный пример, когда аналитические способности Эндрю Маршалла, как показало время, оказались в целом более корректными, нежели позиция могущественного ЦРУ.

Ещё в администрации Никсона в рамках работы специального межведомственного комитета, объединившего военных и разведку, было проведено сопоставление возможностей вооружённых сил США и СССР. Его результаты, основанные на классическом системном анализе, были изложены в документе *NSSM 186 (National Security Study Memorandum)* от 1 августа 1974 г. (впоследствии – «Проект-186»). В нём на основе подробных разведданных, предоставленных в первую очередь ЦРУ, скрупулёзно сопоставлялся общий уровень численности вооружённых сил сверхдержав, но при этом вовсе не рассматривалась асимметрия в их структуре и не задавался вопрос о том, кто более эффективно, Советский Союз или Соединённые Штаты, сможет конвертировать свои ресурсы в боевые возможности на конкретном ТВД в случае, например, конфликта между силами Варшавского договора и НАТО в Европе. А именно на такие вопросы, по мнению Маршалла, и следовало отвечать в рамках МКО, вместо того, чтобы формально сравнивать общее количество солдат, танков, самолётов и боевых кораблей. Из выводов в вышеуказанном меморандуме следовало, что у Советского Союза не обнаружено практически никаких потенциальных слабостей, и всё это в совокупности просто вывело Джеймса Шлезинджера из себя. Маршалл же, на тот момент фактически бывший лишь сторонним наблюдателем в этом процессе, выводы документа и вовсе назвал «чушью». Вскоре после этого Шлезинджер поручил ему разработать новые рекомендации, основанные исключительно на МКО и предназначенные лично для него как министра обороны США.

По мнению авторов книги, это был ещё один важный этап в карьере Эндрю Маршалла как создателя метода комплексных оценок. Именно тогда Шлезинджер и Маршалл выработали направления, к которым должен прилагаться новый аналитический подход. Дело в том, что на тот момент в администрации США, в американской политической элите и в общественном сознании в целом,

возникли идейные расхождения относительно будущего США и, в частности, перспектив противостояния с СССР. Генри Киссинджер и ЦРУ олицетворяли тех, кто считал, что после поражения во Вьетнаме, потрясений «уотергейта» и на фоне первого «нефтяного шока» Америка переживает упадок, а СССР, с его опережающим ростом военных расходов и общим геополитическим наступлением, находится на подъёме, и именно из этого пессимистического сценария следует исходить при стратегическом планировании, целью которого должна быть не победа над противником, а его сдерживание и поддержание баланса. Шлезинджер и Маршалл находились в другом лагере, считая, что военный и экономический потенциал Советского Союза высок, он растёт, но при этом преувеличен – «у страха глаза велики», а американские возможности, наоборот, занижаются. И долгосрочный прогноз противостояния сверхдержав благоприятен как раз для Соединённых Штатов, а не для СССР, и именно Советский Союз, а не Америка, по выражению авторов, прибегнувших к боксерской терминологии, в итоге «окажется на канатах». А ведь в зависимости от оценки положения дел можно выработать две совершенно разные стратегии – и только одна из них будет верной.

Находясь именно в таком стратегическом контексте, Маршалл и Шлезинджер совместно разработали четыре магистральных направления, на которых в своей деятельности следовало сосредоточиться Управлению комплексных оценок. Во-первых, это оценка баланса ядерных вооружений между СССР и США как основы общего стратегического баланса между сверхдержавами. Во-вторых, соотношение обычных вооружённых сил и вооружений НАТО и Варшавского договора, учитывая, что основные силы и резервы Советской армии располагались в Восточной Европе и в прилегающем к ней на территории СССР Западном военном округе. В-третьих, это сопоставление военно-морских сил обеих стран в акватории Мирового океана с учётом того, что ВМФ СССР в семидесятые годы быстрыми темпами нагонял ВМС США, по крайней мере, количественно. Наконец, четвёртой областью приложения МКО стала оценка военного бюджета СССР в процентах ВВП. Это был очень важный вопрос, так как, по мнению ЦРУ в тот период, военные расходы СССР не превышали 6–7% ВВП, что практически соответствовало американским 6%. ЦРУ считало, что советская экономика составляет 55–60% американской – и на этом предположении строило свою оценку доли расходов СССР на оборону от ВВП. Этого глава МО Шлезинджер никак не мог уяснить: как экономика почти вдвое меньшая на тот момент, чем американская, производила в итоге примерно такое же количество разнообразных видов вооружений и при этом каким-то непостижимым образом несла практически такие же военные расходы в процентах ВВП? «Либо они чудо-работники, либо что-то не так с нашим анализом... они должны тратить в долларовом исчислении 160% того, что тратим мы», – заявил Шлезинджер Маршаллу. Тот полностью разделял его точку зрения и, в свою очередь, считал, что «политики должны смело встречать не только опасности, но и быть открытыми новым возможностям».

Сегодня, оглядываясь в прошлое, можно констатировать, что Шлезинджер и Маршалл были правы, а ЦРУ ошибалось: президент Рейган, начиная свою «гонку вооружений» в начале восьмидесятых, доказал на практике к концу того

десятилетия, что столь высокие военные расходы в долгосрочной перспективе оказались для СССР непосильными. Не имея альтернативы, Михаил Горбачёв был вынужден начать масштабное сокращение военных расходов и общее геополитическое отступление. А из этого факта опять-таки ретроспективно вытекала неверная статистическая оценка ЦРУ доли военных расходов в советской экономике в семидесятых в отношении к ВВП: затраты СССР фактически оказались значительно выше и в целом соответствовали оценкам Управления.

Маршалл же, в том числе на основе проводимых Управлением глубинных интервью с советскими иммигрантами (что само по себе уже было нетрадиционно с аналитической точки зрения и методологически отрицалось ЦРУ), оценивал реальный размер советской экономики как 25–30 процентов от американской. То есть, по его данным, объём советской экономики в то время был значительно меньше, чем две трети от экономики Соединённых Штатов. Соответственно, чтобы нести такие же или даже бóльшие военные расходы, ей надо было быть гораздо более милитаризованной, чем американская. Такое перенапряжение, которое стало невыносимым в годы Рональда Рейгана в Белом доме, в итоге привело к её краху в начале девяностых, и, наряду с идеологическим поражением, к проигрышу в «холодной войне» и развалу СССР в целом. А в тот момент, в середине семидесятых, когда ничего подобного нельзя было даже представить, Маршаллу была предоставлена широкая автономия в действиях и прямой выход на шефа Министерства обороны. Именно так началась карьера Эндрю Маршалла как одного из ключевых стратегических аналитиков в Вашингтоне, весьма плодотворно продолжавшаяся вплоть до января 2015 года. Эндрю Крипиневич и Барри Уоттс приходят к заключению, что «настойчивость в точной оценке советских военных расходов... является наиболее важным вкладом Маршалла в стратегию США во время "холодной войны"».

Как победить в войне, не начиная её?

То, чем в первую очередь занималось Управление комплексных оценок вплоть до конца «холодной войны», был «Проект-186». Это стало кодовым названием многолетней деятельности по изучению военных возможностей и перспектив Варшавского договора и НАТО в Центральной Европе, на территории, включающей в себя обе Германии, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Чехословакию и Польшу.

Несмотря на произошедшую 2 ноября 1975 г. отставку Джеймса Шлезинджера с поста главы МО, деятельность Маршалла и его Управления продолжалась по-прежнему. Новый министр обороны, Дональд Рамсфелд (который вновь займёт эту должность в администрации Дж. Буша-мл.), проявил не меньший интерес к МКО, чем Шлезинджер, и считал его крайне важным для того, чтобы составить максимально полную картину как при оценке стратегической ситуации в настоящем, так и при её проекции на будущее. После прихода к власти администрации Картера новый министр обороны Гарольд Браун и новый советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский также полагались на деятельность Управления комплексных оценок. То же относилось

и ко всем последующим администрациям, от Рональда Рейгана до Барака Обамы включительно. Это свидетельствует об объективной – и при этом постоянной – потребности правительства США в методе комплексных оценок. Таким образом, Эндрю Маршалл стал системным – и весьма влиятельным – игроком в формировании оборонной политики США независимо от того, какая администрация находилась у власти. И игроком этим он оставался вплоть до своего выхода в почётную отставку.

Видное место в деятельности Управления занимал анализ того, как сверхдержавы смотрят на возможность ядерного конфликта. В своём труде «Будущее стратегического баланса» (*The Future of the Strategic Balance*), увидевшем свет в августе 1976 г., Маршалл, на основании проведённой аналитической работы Управления, высказал идею о том, что лидеры СССР ориентируются не на глобальную стабильность, основанную на взаимном гарантированном уничтожении в случае ядерной войны, а на то, что Советский Союз сможет пережить такую войну. Именно поэтому СССР стремился сначала догнать, а затем и превзойти США по общему количеству боеголовок в составе «ядерной триады». На основе имеющихся у него разведанных Маршалл делал вывод о том, что лидеры СССР не стремились к ядерной войне, как и американцы. При этом, если бы её избежать не удалось, они рассчитывали сохранить свою экономику в дееспособном состоянии даже после обмена ядерными ударами с Соединёнными Штатами. А это означало, что советские лидеры планировали «жизнь после смерти» в результате ядерной войны с США, что переводило для них возможность такого конфликта в плоскость практического планирования, пусть даже это был крайне нежелательный исход событий.

Соответственно, предварительным условием для такой «нежелательной» победы в ядерной войне было изменение стратегического баланса в пользу СССР и получение преимущества в сфере ядерных вооружений. Это давало две победных стратегии в случае конфликта: либо Запад не применит ядерное оружие вообще и гарантированно проиграет в конвенциональной войне, либо будет разгромлен после сокрушительного первого ядерного удара СССР, так как его ответный удар будет недостаточно мощным, чтобы уничтожить Советский Союз.

Маршалл, учитывая запасы ядерных вооружений, накопленные сверхдержавами к тому времени, считал, что ядерного конфликта допускать не следует ни в коем случае, так как он почти со стопроцентной вероятностью приводил бы к полному взаимному уничтожению, а значит, не имел бы никакого смысла с военной точки зрения. При этом он выступал за стратегию сдерживания СССР не только в плане недопущения эскалации ядерного конфликта, но и недопущения начала любого военного столкновения.

Почему же даже конвенциональной войны между СССР и США нельзя было допустить? Маршалл исходил из того предположения, что любой достаточно интенсивный военный конфликт между странами Варшавского договора и НАТО в Европе приведёт к быстрой эскалации до стадии применения ядерного оружия. Это, в частности, показали масштабные штабные учения «Гордый пророк-83», которые были проведены в 1983 г. под руководством Каспара Уайнбергера, министра обороны в администрации Рейгана в 1982–1986 гг. Эти штабные игры, проведённые на основе действующей на тот момент американ-

ской военной доктрины, показали, что военный конфликт между США и СССР быстро перетекал бы в ядерный в силу неспособности США и НАТО эффективно сдерживать наступление Советского Союза и сил Варшавского договора в рамках конвенциональной войны в Европе. Это привело Уайнбергера к совершенно определённом выводу: чтобы предотвратить нападение СССР и практически неминуемо следующий за этим ядерный Армагеддон, следует укрепить и конвенциональные, и ядерные силы США до такой степени, чтобы их мощь делала бессмысленной саму вероятность начала войны для Советского Союза. В этом случае Советский Союз не начинал бы военный конфликт, так как из сопоставления потенциалов было бы ясно, что победы в конвенциональной войне ему не одержать, а масштабная ядерная война будет самоубийственной и не станет инструментом шантажа со стороны СССР. Именно такая модель стратегического сдерживания была принята администрацией Рейгана – и Советский Союз был вынужден ввязаться в эту гонку на истощение. Результатом стал фантастический рост военного бюджета США, со 175,5 млрд. долл. в 1981 фин. г. (последний год администрации Джимми Картера) до 276,2 млрд. долл. в 1985 фин. г. (последний год первой администрации Рональда Рейгана). Это было увеличение военного бюджета, и без того огромного, на 57% за четыре года! Причём это происходило на фоне значительного роста ВВП США в эти годы: «рейганомика» работала на полную мощность. В рейгановские годы экономика США создала 19 млн. рабочих мест!

Ещё одним ударом по СССР стала знаменитая СОИ – «Стратегическая оборонная инициатива», или «звездные войны», по меткому выражению сенатора Эдварда Кеннеди. Этот громко заявленный Рональдом Рейганом в марте 1983 г. грядущий технологический рывок устрасил военно-политическое руководство СССР, так как, по заявлению Рейгана, реализация программы СОИ сделает ядерное оружие, единственный реальный аргумент Советского Союза, подтверждающий его статус сверхдержавы, «бессильным и устаревшим».

Крайне интересными уже не с идеологической, а с практической точки зрения представляются также штабные учения, которые МО проводило в отношении СОИ в случае ядерного конфликта в середине восьмидесятых. При прогнозируемой эффективности в 90% (т.е. при перехвате 90% советских ядерных боеголовок), «сдерживание СССР будет происходить на любом уровне». Но как добиться такой фантастической эффективности? Это было утопией тогда, остаётся это утопией и сейчас. Что оказалось наиболее поразительным, так это тот факт, что даже при гораздо более реалистичном моделируемом уровне эффективности СОИ в 15%, на советско-американский ядерный баланс будет оказано «значительное воздействие». Проще говоря, даже такая сравнительно низкая эффективность СОИ могла бы стать решающим фактором, который удержит Советский Союз, учитывая подходы советской военной науки к ведению войны, от инициации обмена ядерными ударами для победы в глобальном конфликте: даже такой уровень перехвата уже не гарантировал СССР достижения поставленных боевых задач. В этом смысле «Стратегическая оборонная инициатива» приобретала действительно стратегическое значение – в первую очередь, в мирное время как мощный фактор сдерживания. Недаром советская пропаганда так ополчилась на «ястребов Пентагона», замышлявших «звездные

войны», и грозила неким асимметричным ответом, что косвенно говорило о неспособности СССР развернуть подобную систему в космосе. И всё это чётко укладывалось в рецепт победы в «холодной войне» от Эндрю Маршалла: экономически и технологически истощить Советский Союз, победить его в мирном противостоянии и при этом, с помощью ядерного и конвенционального сдерживания, не допустить возникновения военного конфликта.

**Заглядывая в будущее:
«революция в военном деле»
и выход Китая на глобальную сцену**

Помимо более реалистичной, нежели предполагало ЦРУ, оценки потенциала СССР в 1970-е годы, авторы книги выделяют две другие крупные заслуги Эндрю Маршалла, носящие стратегический характер – это его отношение к роли высокоточного оружия и к мировой роли Китая на современном этапе.

Маршалл был одним из первых, кто ещё в тех же семидесятых обратил внимание на концепцию «военно-технической революции», термин, возникший в советской военной науке того времени. Он призывал уделять поэтому особое внимание высокоточному оружию, так как считал, что впоследствии и подтвердилось, что за ним – будущее, а также из соображений недопущения отставания от СССР в этой сфере. Некоторые из его критиков, например, Майкл С. Деш, профессор политологии из университета Нотр-Дам, полагают, что Маршалл даже переоценил значение «военно-технической революции» для советских вооружённых сил, учитывая то, что в целом США всегда были впереди СССР в технологической сфере. Тем не менее, он был одним из тех, кто раньше других в Министерстве обороны обратил внимание на чрезвычайную эффективность этого оружия и даже охарактеризовал его возникновение как «революцию в военном деле». Если говорить о практическом значении его выводов, то следует упомянуть, что Управление комплексных оценок прогнозировало решительную победу антисаддамовской коалиции, возглавляемой США, в операции «Буря в пустыне» в 1991 году. Как показал опыт военных действий, именно так и произошло: ВВС союзников, в первую очередь США, в первые дни установили господство в воздухе, подавив в том числе и с помощью высокоточного оружия, а также спутниковой навигационной системы *Navstar*, ПВО и ВВС Ирака. Кроме того, первые несколько столкновений *F-15* с иракскими МиГ-29 в самом начале воздушной операции показали полное преимущество американских истребителей в бою, в том числе и за счёт более совершенных систем наведения ракет и радиоэлектронной борьбы. На земле, когда дело дошло до сухопутного наступления союзников в конце февраля, происходило то же самое: американские танки «Абрамс» из 7-го армейского корпуса в первом же крупном боестолкновении разгромили танковые части Республиканской гвардии – в том числе и за счёт явного превосходства в системах наведения и поражения над иракскими Т-62 и Т-72. Наступавшие «Абрамсы» открывали огонь по окопавшимся в песке танкам Республиканской гвардии, находясь ещё вне зоны их поражения, и делали это очень точно. Сегодня, когда результаты операции «Буря в пустыне» с её акцентом на воздушную войну и широкое

использование высокоточного оружия уже вошли в учебные программы военных академий, кажется очевидным, что так и должно было случиться. Однако в январе 1991 г., перед самым её началом, всё выглядело далеко не так радужно и многие предрекали кровопролитные наземные сражения в духе Второй мировой войны и рукопашные схватки на улицах Эль-Кувейта. Эндрю Маршалл был одним из тех, кто обосновал безоговорочную победу США и их союзников. Кроме того, в годы администраций Дж. Буша-старшего и Клинтона Маршалл внес большой вклад в разъяснение Министерству обороны важности информационной войны как части современного конфликта.

Если говорить о Китае, то Эндрю Маршалл ещё в 1987 г. высказал предположение о том, что Китай может стать следующей, после упадка СССР, мировой сверхдержавой и геополитическим соперником США. Немногие в 1987 г. предполагали, что СССР исчезнет с карты мира, – и ЦРУ было точно не в их рядах. Но даже Маршалл не ожидал, что Советский Союз развалится так исторически скоро, уже в 1991 г., и при этом столь молниеносно. А беспрецедентный экономический рост КНР в 1990-х лишь подтвердил его предсказания о грядущей роли Поднебесной. Причём Маршалл предлагал не увлекаться перспективами экономического сотрудничества с Китаем и возможностями его необъятного рынка, а смотреть дальше. Его эмпирические исследования в этой сфере касались истории и культуры Китая, его долгосрочных целей, стратегии и фактических действий, которые китайцы уже предпринимали в военной сфере. Более того, он считал, что уже на рубеже тысячелетий стратегическое соперничество США с Китаем шло полным ходом.

Дональд Рамсфелд, после того, как в январе 2001 г. он вновь стал министром обороны, теперь уже в администрации Дж. Буша-мл., первым делом заказал Управлению комплексных оценок подготовку общего стратегического обзора. В этом обзоре, в частности, указывалось на необходимость большего внимания тенденциям экономического и военного развития Азии, в особенности возрастанию роли Китая как потенциальной сверхдержавы и соперника США на глобальной сцене. Маршалл призвал уделить особое внимание растущему военному потенциалу Китая, в частности на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Согласно его оценке, в ближайшие годы (что сейчас фактически и происходит) Китай будет различными способами ограничивать влияние США и их союзников в АТР. В качестве примера из сегодняшнего дня можно упомянуть конфликты Китая с Японией из-за островов Сенкаку (Дяодао) и его противостояние в Южно-Китайском море с рядом сопредельных стран, включая Вьетнам и Филиппины. В обоих конфликтах США находятся не на стороне Китая. В обоих же этих случаях Китай пытается осуществлять проекцию силы на те регионы, которые ещё совсем недавно были для него недостижимы в военном отношении.

Рамсфелд, помимо отношения к Китаю, разделял с Маршаллом и точку зрения на кардинальную важность высокоточного оружия и новой военной стратегии, вытекающей из его наличия. В современном мире – мире после 11 сентября 2001 года – потенциальные противники США зачастую чётко не определены, очень трудно предвидеть, откуда именно и когда конкретно может возникнуть угроза. Соответственно, определить заранее будущее поле битвы

будет непросто. Таким образом, вооружённые силы США должны быть мобильными, готовыми к развёртыванию в любой точке земного шара, а их вооружение должно быть при этом мощным и точным, что возможно только при наличии высокоточного оружия. При этом временной интервал между поступлением разведывательных данных о целях противника и поражением этих целей военными должен быть минимально возможным. В целом же «революция в военном деле» подразумевает наличие «умных бомб», крылатых ракет, использование *GPS* и технологий «стелс», а также широкое применение средств РЭБ (радиоэлектронной борьбы), наличие эффективной системы ПРО и т.д. Именно это и легло в основу того, что Рамсфелд назвал «проектом оборонной трансформации», который затронул не только сами США, но и Южную Корею, Японию, Австралию, Германию, Саудовскую Аравию и ряд других американских союзников.

Также ещё в первой половине 1990-х Маршалл подчёркивал, что явное на тот момент технологическое преимущество США благодаря «революции в военном деле» со временем вполне может быть утрачено, как это случилось с Великобританией в начале XX столетия. В первую очередь это относилось, пусть и в долгосрочной перспективе, к Китаю как догоняющей стороне. Поэтому он призывал – и явно был услышан среди других военных советников Министерства обороны и разведки, – к приоритетному вниманию к этой сфере как основе военной стратегии будущего.

Если говорить о долгосрочных стратегических угрозах, с которыми, по мнению Маршалла, будут сталкиваться США в XXI столетии, то здесь он в одном из своих нечастых публичных выступлений, состоявшемся в 2008 г. в Чикаго, определил три вызова. Во-первых, это продолжительная и неограниченная чётко во времени «война» с исламским экстремизмом в самых разных его проявлениях. Во-вторых, рост глобального влияния Китая, чья военная модернизация происходила быстрее, чем предполагалось ранее. Наконец, в-третьих, к угрозам стратегического характера Маршалл отнёс превращение Ирана в ядерную державу, что могло спровоцировать «парад» новых ядерных держав на Ближнем Востоке. При этом Россию Маршалл к стратегическим угрозам для США не отнёс.

Мало кто знает, над чем работает Управление комплексных оценок Министерства обороны США сегодня и какие битвы будущего там планируются. Однако можно с уверенностью утверждать, что значение метода комплексных оценок, разработанного Эндрю Маршаллом, вышло далеко за рамки Вашингтона, где его «птенцами» считаются такие крупные фигуры неоконсерваторов, как Дик Чейни, Дональд Рамсфелд и Пол Вулфовиц. Маршаллу отдают дань и в тех странах, которые не считаются ныне союзниками Соединённых Штатов. В России его уважительно называют «серым кардиналом» МО, а в Китае генерал Чень Чжоу, один из соавторов военной доктрины КНР, отметил, что считает Маршалла наиболее важной и значимой фигурой, повлиявшей на изменение китайского военной доктрины в 1990-х и 2000-х годах. Кроме того, совсем недавно, в 2012 г., американский журнал «Форин полиси» назвал Эндрю Маршалла одним из «ведущих глобальных мыслителей года» за «идеи, которые вышли далеко за рамки Пентагона». Сами авторы книги в её заключении говорят

о том, что «с учётом сложного контекста в сфере безопасности, существующего для Соединённых Штатов на сегодняшний день, значение чётко продуманных комплексных оценок может быть ещё более важным, чем когда-либо».

А в заключение можно привести слова уже упомянутого здесь обозревателя «Уолл-стрит джорнэл» Дугласа Дж. Фейта: «В рядах стратегических мыслителей, включая Сунь Цзы и Карла фон Клаузевица... Эндрю Маршалл занимает достойное место».

Time and People

Andrew Marshall and His Net Assessment Method: War formula from the Legend of Pentagon

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No. 6, p. 87-102)

Received: 15.01.2016.

PASHKEVICH Sergey Karlovich, contender for the Fulbright Foundation Creative Writing Scholarship, copywriter at the Shopping Live TV Channel. 12a Academician Korolev str., 127427, Moscow, Russian Federation (romanotokyo@yahoo.com).

Andrew Marshall is a legend of Pentagon. For more than four decades he served as Director of the Office of Net Assessment – the Pentagon internal think tank. He has always been on the cutting edge of the strategic thinking and pioneered the development of ‘net assessment’ – a new analytic framework for understanding the long-term military competition between the United States and the Soviet Union, and beyond.

Keywords: method of net assessment, military strategy, “Revolution in Military Affairs”, military doctrine, National Security Strategy, Long Term Competition Framework, Competitive Advantage.

About the author:

PASHKEVICH Sergey Karlovich, copywriter at the Shopping Live TV Channel, contender for the Fulbright Foundation Creative Writing Scholarship.